

является спасение и освобождение личности, которым для Виктории могла стать только смерть. Высокая чувствительность к окружающей атмосфере привела к трагическому концу, который был закономерен, так как героиня стала олицетворением порядков жизни и пути, по которому они ведут.

Алена Браво поднимает проблему нравов советского времени, их давления на личность, а также предьявляет обвинение грубому материнскому террору дочери, искалечившему её жизнь.

Библиографический список:

1. Елена Валерьевна Горшкова (Браво) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://http://www.borisovgymnasia3.by/images/stories/Z_vyipusniki/bravo.pdf. –

Дата доступа: 29.03.2023.

2. Браво, А. Имя тени – Свет: повести, рассказы / Алена Браво. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. – 360 с.

3. Санаев, П. Похороните меня за плинтусом / Павел Санаев. – М. : АСТ, Астрель, ВКТ, 2010. – 288 с.

БРЮГГЕ КАК ГОРОД-МИФ В РОМАНЕ Ж. РОДЕНБАХА «МЁРТВЫЙ БРЮГГЕ»

Л. В. Купцова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород

*Научный руководитель – Ю. А. Маринина,
кандидат филологических наук, доцент*

Аннотация. В статье рассмотрены разные подходы к изображению города в литературе, проанализирован образ Брюгге как город-миф в романе Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге». В работе раскрыты основные мотивы, связанные с образом Брюгге в данном произведении, выявлена связь между функционированием Брюгге в романе и сюжетом. В статье осуществлено раскрытие мифологической основы в описании Брюгге.

Ключевые слова: Брюгге; город-миф; городское пространство; мифологизация пространства.

Функционирование городского пространства в литературе является одним из изучаемых аспектов. Ю. М. Лотман утверждал, что город «представляет собой

котёл текстов и кодов разноустроенных и гетерогенных...» [3, с. 282]. На основе данного определения возникли разные классификации городских текстов, которые базируются на определённых мифах.

Роман Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге» (Bruges-la-Morte), опубликованный в 1892 году, интересуется уже своим названием. В сильную позицию вынесен эпитет «мёртвый», что заставляет задуматься над мифологической составляющей образа Брюгге. Известно, что город отличается самобытностью, средневековой архитектурой и туманным климатом, это также способствует возникновению научного интереса к изучению Брюгге как города-мифа.

В романе «Мёртвый Брюгге» Ж. Роденбах использует достаточно неоднозначный подход к описанию города. По классификации Л. Н. Набилкиной, которая основывается на авторской оценке городского пространства, Брюгге в романе описан с точки зрения дегуманизированного подхода, а не гуманистического, так как основной мотив – мотив смерти. Повествование начинается с проведения параллелей со смертью: «*День умирал, наполняя мраком коридоры огромного безмолвного дома, налагая точно креповые покровы на окна*» [4, с. 1]. Наступление вечера автор сравнивает с угасанием жизни, погружением во мрак: «Гюг Виан в этот день ещё мучительнее пережил всё своё прошлое из-за серой ноябрьской погоды, когда колокола словно рассыпают по воздуху *прах звуков, мёртвый пепел* многих лет» [4, с. 3].

Автор романа часто уподобляет обыденность города смерти. Подобные метафоры оставляют тяжелое впечатление от города: «Он <Гюг Виан> любил блуждать в сумерки, находить сходство между своим трауром и одинокими каналами или частями города, где много монастырей» [4, с. 3]. В романе ярко выражена символика смерти, которая точно отражает внутреннее состояние героя: Гюг Виан сам часто сравнивает мёртвую атмосферу города со своей личной скорбью. Автор не предоставляет читателю объективного образа города, так как мы видим всё глазами героя, чьё восприятие Брюгге происходит через траур по умершей жене и воспоминаниям о пребывании в Брюгге с ней.

Важной составляющей образа города являются его жители. В романе Ж. Роденбаха они представлены с негативной точки зрения: «Разумеется, он <Гюг Виан> никого не посещал, не сошелся ни с одним семейством, жил одиноко. Но все знали его в лицо, по крайней мере, знали, кто он такой, и слышали об его благородном отчаянии, в этом мало населенном Брюгге, столь не занятом, что все знают друг друга, интересуются приезжими, передают новости о соседях и наводят у них справки» [4, с. 19]. Горожане представлены как один персонаж, любящий сплетничать, ничем не занятый, злорадный («торжество злых людей» [4, с. 19]), посмеивающийся над главным героем и его горем.

Город Брюгге – один из самых красивых городов, со своей необычной архитектурой и духом средневековья. Но даже красота и величие достопримечательностей в романе описываются мрачно, с ярко выраженным мотивом смерти: «В этот вечер он зашёл мимоходом в церковь Notre-Dame, где он часто любил бывать из-за её *похоронного вида*: везде, на стенах, на полу, находились надгробные плиты с головами умерших, стёртыми именами, надписями, изъеденными, точно уста камней <...> Сама смерть стиралась здесь смертью...» [4, с. 9]. Храм St. Sauveur также источает меланхолию: «И ничто – ни покрытые живописью стёкла, ни бессмертные чудесные картины Пурбюса, Ван-Орлэ, Эразма Келлэна, Крейера, Сегера с гирляндами никогда не вянущих тюльпанов — ничто не могло умиротворить погребальную грусть этого храма» [4, с. 67].

Брюгге и природа в романе гармонично дополняют друг друга. На Гюга Виана одинаково влияют и природа, и архитектура: «Похоронное впечатление исходило из запертых домов, окон, похожих на глаза, затуманенные агонией, — остроконечных крыш, отражавших в воде креповые лестницы. <...> Он миновал Quai Vert, Quai du Miroir, направился в сторону Pont du Moulin, печальных предместий, окаймлённых тополями. И повсюду на его голову сыпались, *как холодные капли, мелкие, полные слёз ноты приходских колоколов*, падавшие точно из кропильницы для отпущения чьих-либо прегрешений» [4, с. 9]. В данной цитате звон колоколов (явление рукотворное) сравнивается с каплями дождя (явление природное). Как мы видим, природа и архитектура неотделимы друг от друга.

Пространство Брюгге, расположенного на водных каналах, отсылает читателя к иной реальности, загробному миру, так как именно вода (будь то неподвижная гладь каналов, непрекращающиеся дожди или окутывающий весь город туман) как ни что другое в этом романе напоминает о смерти: «Среди немой атмосферы вод...», «Мёртвый Брюгге сам был положен в гробницу из каменных набережных, с похолодевшими артериями его каналов, когда перестало в нём биться великое сердце моря» [4, с. 7], «Казалось, <...> что какой-то шёпот поднимался от воды, и вода стремилась к нему...» [4, с. 9] и т.д. Здесь также проявляется суть города-мифа: каналы Брюгге подобны водам Стикса и Леты, уносящим главного героя в потусторонний мир. Е. Т. Самитова считает, что «воды в Брюгге сочетают в себе несочетаемое: с одной стороны, они находятся в состоянии вечной изменчивости, с другой стороны, это воды стоячие, потерявшие связь с живым источником, с тех пор как море отступило от Брюгге» [5, с. 52]. Изменчивость заключается в том, что вода как источник памяти сохраняет в себе всякое отражение. В этом и заключается парадокс романа – «умирающий» город никогда не умрёт, не исчезнет, т.к. память о нём сохраняется в водах, что и делает Брюгге вечным и существующим вне времени.

Н. Е. Меднис классифицирует города по гендерному признаку, и в соответствии с ней Брюгге – город женского начала. Он стал столицей Фландрии в 1089 году и до сих пор сохранил дух средневековья. Именно древние города воспринимаются как проявления женского начала. Брюгге буквально живёт на воде, но в отличие от «мужских» городов, вода является его неотъемлемой частью. Невозможно представить Брюгге без воды. Женственность Брюгге отражается и в названии романа: «Bruges-la-Morte» дословно переводится как «Брюгге-покойница» (la – во фр. языке артикль, обозначающий женский род). Неслучайна в данном контексте даётся аллюзия на «Гамлета» У. Шекспира: «...вода стремилась к нему, как она стремилась к Офелии, судя по рассказам шекспировских могильщиков» [4, с. 9]. Утопленницей мы можем считать сам Брюгге (об «офелизации» Брюгге пишет Г. Башляр [2, с.132]). Стоит отметить, что и слово «город» («la ville») во французском языке женского рода.

Неоднозначен образ Брюгге по классификации В. Н. Топорова, который делит города на «дев» и «блудниц» [6, с. 123]. Безусловно, Брюгге – город духовный. На это указывают и внутренние, и внешние факторы. К внутренним относятся сама атмосфера города (его умиротворение, спокойствие, существование вне времени), личное горе главного героя (причина, по которой он переехал жить в Брюгге), видимая религиозность горожан. К внешним факторам относится религиозная символика. Однако Брюгге всё же не может однозначно считаться городом «дев», так как в романе город характеризует людская жёсткость. В этом и проявляется очередной парадокс образа города. Но когда мы читаем описание Брюгге, а именно то, каким его воспринимает Гюг Виан, у нас не остаётся сомнений, что это духовный город, который чтит религиозную атмосферу.

В. Л. Алексеева отмечает существование внутреннего и внешнего видов образа города [1, с.175]. Согласно данной классификации, носителями внутреннего вида образа Брюгге являются местные жители, а носителем внешнего – Гюг Виан. Действительно, восприятие города жителями и главным героем разительно отличается. Гюг Виан намеренно переехал в умиротворённый, туманный город, чья меланхолия полностью соответствует настроению героя, его восприятию жизни после смерти жены: «Мёртвой супруге должен был отныне соответствовать мёртвый город» [4, с. 7]. Таким образом, мы воспринимаем город через призму ощущений самого Гюга Виана. Очевидно, что местные жители смотрят на Брюгге совершенно иначе. Жители Брюгге воспринимают город в целом, это пространство их повседневных забот. Гюг Виан же, приезжавший туда ещё со своей женой, сразу почувствовал меланхолию города, которая в дальнейшем и привела его обратно. Он вглядывается в такие детали Брюгге, как вода каналов, безлюдность улиц: «Среди немой атмосферы вод и пустынных улиц Гюг менее чувствовал страдание своего сердца» [4, с. 9]. Для Гюга также имеют особый смысл мосты

(«...мрачное воспоминание <...> показывалось из-под мостов» [4, с. 7]), остроконечные крыши, колокола («Похоронное впечатление исходило из запертых домов, окон, похожих на глаза, затуманенные агонией, — остроконечных крыш, отражавших в воде креповые лестницы...» [4, с. 10]) и т.д. В. Л. Алексеева относит к носителям внешнего образа города приезжих как туристов. Они могут ужаснуться несовершенствам какого-то здания, их ожидания от города по приезде могут не оправдаться и т.д. А местные жители как носители внутреннего образа воспринимают город со всеми его недостатками, не замечая их. В романе Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге» снова возникает противоречие. С одной стороны, Гюг Виан как приезжий замечает детали города, ищет в них сакральный смысл, но он не видит в городе никаких недостатков. Напротив, герой находит гармонию в нём. Местные жители не обращают внимания на такие детали. Они, в отличие от Гюга, воспринимают город поверхностно. В связи с этим целесообразно именно главного героя отнести к носителю внутреннего образа Брюгге, а местных жителей — к носителям внешнего.

Так, на основе классификаций образа города, предложенных разными исследователями, можно сделать вывод, что Брюгге в романе Ж. Роденбаха тяготеет к эсхатологическому мифу, который лежит в основе его структуры. Лейтмотивы смерти и одиночества, проходящие сквозь линию повествования, мифологизация вод города придают Брюгге таинственность и инфернальность.

Библиографический список:

1. Алексеева, В. Л. Образ города в культурном сознании / В. Л. Алексеева // Университетская площадь: альманах. – 2010. – № 3. – С. 174–176.
2. Башляр, Г. Вода и грёзы. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
3. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.
4. Роденбах, Ж. Мёртвый Брюгге / Ж. Роденбах. – Томск : Водолей, 1999. – 704 с.
5. Самитова, Е.Т. Мотив природной стихии в романах Ж. Роденбаха (поэтика воды) / Е. Т. Самитова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2011. – №4. – С. 52 – 58.
6. Топоров, В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 121–132